

В тот день, когда всё это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Всего пять двоек за день! Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям. А вот пятую двойку поставили совсем несправедливо. Даже смешно сказать, из-за чего мне вклеили эту несчастную двойку. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

— Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озёр и рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили. А мне ясно, что если вода испаряется, то её уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: «Он испарился». Это значит — «он исчез». Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы:

— Куда исчезает вода? А может быть, она всё-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь, как следует?

По-моему, я и так ответил, как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашались. Есть у них такой отрицательный минус.

Кому охота спешить домой, если несёшь в портфеле целую кучу двоек? Мне, например, неохота. Потому я и шёл домой через час по столовой ложке. Но как медленно ни иди, а всё равно придёшь домой. Хорошо ещё, что папа в командировке. А то сразу бы начался разговор о том, что у меня нет характера. Об этом папа вспоминал всегда, как только я приносил двойку.

— И в кого ты такой? — удивлялся папа. — Совсем нет характера. Не можешь взять себя в руки и хорошо учиться.

— Воли у него нет, — добавляла мама и тоже удивлялась: — В кого бы это?

Все мои родные, оказывается, имели твёрдый характер и сильную волю, а вот я почему-то не имею. Поэтому-то я и не решался сразу притащиться домой, имея в портфеле пять двоек.

Чтобы подольше тянуть время, я заходил по дороге во все магазины подряд. В книжном я встретил Люсю Карандашкину. Она моя соседка два раза: живёт в одном доме со мной, а в классе сидит позади меня. Нигде от неё нет покоя — ни в школе, ни дома. Люся уже успела пообедать и прибежала в магазин за тетрадями. Был здесь и Серёжа Петькин. Он пришёл узнать, не получены ли новые марки. Серёжа покупает марки и воображает себя филателистом. А по-моему, так собирать марки может каждый дурак, если у него есть деньги.

Я не хотел встречаться с ребятами, но они меня заметили и сразу же стали обсуждать мои двойки. Конечно, они доказывали, что Зоя Филипповна поступила справедливо. А вот когда я их припёр к стенке, то вышло, что они тоже не знали, куда девается испарившаяся вода. Небось влепила бы им Зоя за это по двойке, они бы сразу запели другое.

Мы спорили, кажется, немного шумно. Продавщица предложила нам выйти из магазина. Я сейчас же ушёл, а ребята остались. Продавщица сразу догадалась, кто из нас лучше воспитан. А ведь завтра они будут рассказывать, что шум в магазине поднял я. Пожалуй, ещё разболтают, что я на прощание показал им язык. А что тут, спрашивается, плохого? Анна Сергеевна, наш школьный врач, нисколько на это не обижается, она даже сама просит, чтобы ребята показывали ей язык. А она-то уж знает, что хорошо, а что плохо.

Когда меня выставили из книжного магазина, я понял, что очень проголодался. Есть хотелось всё больше, а идти домой — всё меньше. На пути остался только один магазин. Неинтересный — хозяйственный. В нём противно пахло красками, мылом и керосином. Из него тоже пришлось уйти. Продавец три раза меня спросил:

— А что тебе здесь надо, мальчик?

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом...

Скрыть двойки было невозможно. Мама давно сказала, что читает в моих глазах всё, что написано в дневнике. Какой же смысл врать?

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, неужели она сможет прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек?

Кот Кузя спрыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждёт от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает, что я пришёл из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Я старался есть как можно медленней, но это не получалось, оттого что я сильно проголодался. Мама сидела напротив и ужасно молчала. Вот сейчас, когда я съем последнюю ложку компота, и начнётся...

Но раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тётя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

— Немедленно садись за уроки, — сказала мама и взяла трубку.

За уроки, когда я так устал! Я хотел хоть часок отдохнуть и поиграть во дворе с ребятами. Но мама зажала трубку рукой и сказала, что я могу прогулку по магазинам засчитать себе за отдых. Вот как она умеет читать в глазах! А вдруг она прочтёт про двойки?

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

— Убери на своём столе! — крикнула вдогонку мама.

Легко сказать! Я иногда просто сам удивляюсь, глядя на свой стол. Как много предметов на нём умещается! Тут рваные учебники и тетрадки в четыре листика, ручки, линейки и карандаши. Их теснят гвозди, камеры для мяча, обрывки проволоки и другие нужные вещи. Вообще я очень люблю гвозди. Они у меня есть всех размеров и разной толщины. А мама их совсем не любит. Не раз она выбрасывала их, но они снова возвращаются на мой стол, как бумеранги. Мама сердится на меня за то, что я больше люблю гвозди, чем учебники. А кто виноват? Не я, а учебники. Не надо быть такими скучными.

На этот раз я управился с уборкой быстро. Выдвинул ящик стола и сгрёб туда все свои вещи. Скоро и удобно. И пыль сразу стирается. Теперь можно было приняться за уроки. Я раскрыл дневник, и перед глазами замелькали двойки. Они были такие заметные потому, что их написали красными чернилами. По-моему, это неправильно — писать двойку красными чернилами. Ведь всё хорошее тоже отмечают красным. Например, праздники и воскресенья в календаре. Посмотришь на красную цифру — и радуешься. В школу ходить не надо. Пятёрка тоже красненькая. Значит, тройку, двойку и кол надо писать чёрными чернилами. Удивительно, как наши учителя сами не могут до этого додуматься!

Уроков, как нарочно, задали очень много. А день был солнечный, тёплый, и мальчишки за окнами гоняли мяч. Интересно, кто стоял вместо меня на воротах? Наверно, опять Сашка. Он давно мечтает на моё место у ворот. Это просто смешно. Все знают, какой он сапожник.

Кот Кузя устроился на подоконнике и оттуда, как с трибуны, следил за игрой. Кузька не пропускает ни одной игры, а папа и мама не верят, что он настоящий

болельщик. И зря. Он даже слушать любит, когда я рассказываю о футболе. Не перебивает. Не уходит, даже мурлычет. А кошки мурлычат только тогда, когда им приятно.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Бесплезно повторять то, чего всё равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну, двойку и решил лучше заняться арифметикой. Тут тоже ничего приятного не было. Начал решать задачу о каких-то землянках. Не успел выписать условия, как заговорил репродуктор.

Можно было немножко отвлечься и послушать... Но чей голос я услышал? Голос Зои Филипповны! Она по радио давала советы ребятам, как надо готовиться к экзаменам. Я готовиться не собирался. Пришлось радио выключить.

Задача была очень трудная и бестолковая. Я уже почти стал догадываться, как надо её решить, но... в окно влетел футбольный мяч. Вот красота! Я схватил мяч и хотел было вылезти через окно во двор, но мамин голос догнал меня на подоконнике.

— Витя! Ты делаешь уроки? — кричала она из кухни. Там у неё что-то шипело и ворчало на сковороде. Поэтому мама не могла прийти и выдать мне что полагается за побег. Она почему-то очень не любила, когда я выходил через окно, а не через дверь. Хорош бы я был, если б мама вошла!

Я слез с подоконника, швырнул ребятам мяч и ответил маме, что делаю уроки.

Снова открыл задачник. Пять землекопов выкопали траншею в сто погонных метров за четыре дня... Что бы придумать для первого вопроса? Я уже начал было соображать, но мне опять помешали. В окно заглянула Люся Карандашкина. Одна косичка была у неё перевязана красной лентой, а другая — распущена. И это не только сегодня. У неё почти каждый день так. То правая косичка распущена, то левая. Лучше бы она больше внимания обращала на свою причёску, чем на чужие двойки, тем более что у неё и своих двоек хватает. Люся сказала, что задача о землекопах в самом деле очень трудная. Даже её бабушка не могла решить. Счастливая Люська! А у меня нет никакой бабушки.

— Давай решать вместе! — предложила Люся.

Я отказался. Ничего хорошего из этого бы не вышло. Лучше уж самому.

Стал снова рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил скороговорку: «Погонщик в погонах погонял погонным метром». Тут мама снова закричала из кухни. Я спохватился и стал сильно трясти головой, чтобы за-

быть о погонщике в погонах и вернуться к землекопам. Ну что с ними, постылыми, делать?

А хорошо бы погонщика назвать Паганелем!

— Что же всё-таки делать с землекопами? Может быть, помножить их на метры?

— Не надо помножать, — возразила Люся. — Всё равно ничего от этого не узнаешь.

Назло ей я всё-таки помножил землекопов. Правда, ничего хорошего про них не узнал, но зато теперь можно было переходить к другому вопросу. И я решил разделить метры на землекопов.

— Не надо делить, — опять вмешалась Люся. — Я уже делала. Ничего не получается.

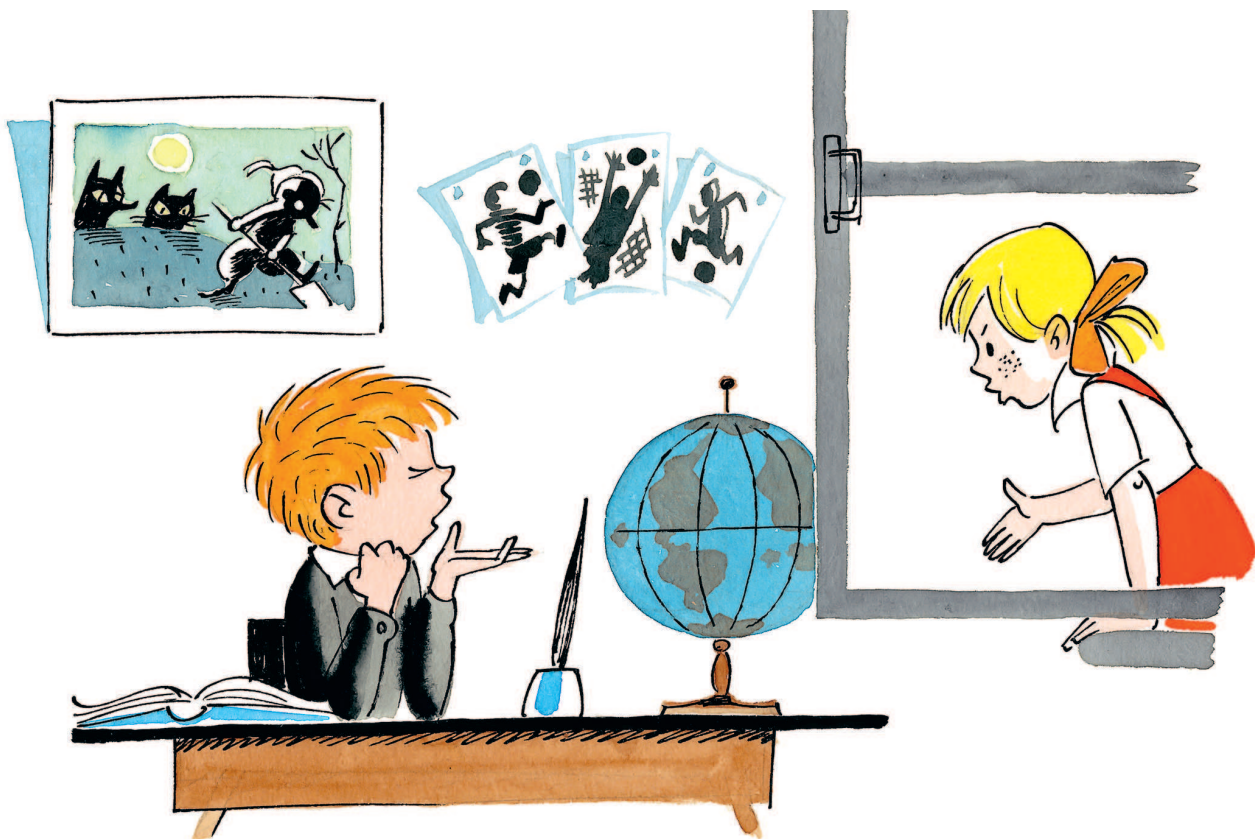
Конечно, я не послушал и разделил. Получилась такая ерунда, что я стал искать ответа в задачнике. Но, как назло, там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я всё перерешил. Вышло, что работу должны были выполнить полтора землекопа. Почему полтора? Но в конце концов какое мне дело, сколько землекопов рыли эту самую траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу покончили с траншеями. И работу скоро бы сделали, и школьникам головы не забивали. Ну как бы там ни было, а задача решена. Можно уже побежать к ребятам. И я, конечно, побежал бы, если б не вмешалась Люська.

— А когда будем учить стихи? — спросила она меня.

— Какие стихи?

— Как — какие? Забыл? А «Зима. Крестьянин, торжествуя»? Я никак не могу их запомнить.

— Это потому, что они неинтересные, — сказал я. — Вот те стихи, что сочинили в нашем классе мальчишки, сразу запоминаются. Потому что интересные.

Люся новых стихов не знала. Я их прочёл ей на память:

Нам учиться целый день
Лень, лень, лень.
Надоело!
Нам бы бегать и играть,
Мяч бы по полю гонять —
Это дело!

Люсе стихи так понравились, что она их сразу запомнила.

Вдвоём мы быстро одолели «крестьянина». Я уже собирался вылезти потихоньку в окно, но Люся опять вспомнила, что мы ещё должны вставлять пропущенные буквы в слова.